Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 262-274.

УДК 343.21

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ОТРАСЛИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА КАК ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СИСТЕМУ ВОЕННО-УГОЛОВНЫХ НОРМ

Бодаевский В. П.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье констатируется, что наиболее активное влияние на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок, оказывают уголовная политика и отрасли права криминального цикла, такие как уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право России. Приводятся аргументы в подтверждение того, что концептуальные установки уголовной политики воздействуют на систему норм военно-уголовного права на двух уровнях: мировоззренческом (идейном) и на законодательном. Причем на законодательном уровне путем воздействия непосредственно на уголовный закон или военное право, к которому он отсылает. Отстаивается мнение, что между уголовным правом и другими отраслями криминального цикла действуют генетические, функциональные, координационные и субординационные связи. Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление, главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо одной из них существование других бессмысленно. Соответственно учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминального цикла, на наш взгляд, должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются. Обосновывается позиция о базовом положении уголовного права по отношению к другим отраслям криминального цикла, что свидетельствует о существовании между ними субординационных связей. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства между ними, а следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Ключевые слова: уголовная политика, межотраслевые связи, нормативное предписание, система военно-уголовных норм, отрасли права криминального цикла, уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право.

В специальной литературе отмечается, что правовой действительности, как и всему окружающему нас миру, свойственны диалектическое взаимопроникновение, связь и синтез [1, с. 76]. Иными словами, в праве не существует абсолютно изолированных правовых систем. В тоже время, как правильно отметил С.С. Алексеев, любая правовая система – это: «… сложный, спаянный закономерными связями организм» [2, с. 252].

Изложенное полностью относится и к системе правовых норм УК РФ, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, получившей в уголовно-правовой доктрине название «военно-уголовное право». Характер и своеобразие взаимодействия этой системы с внешними факторами во многом определяют специфику конструкции и применения, составляющих ее норм, и соответственно, особенности возникающих с ней системообразующих связей. К наиболее активным внешним факторам, влияющим на систему военно-уголовных норм, помимо Конституции РФ и международных договоров, также относят уголовную политику, военное законодательство и отрасли законодательства криминалистического блока.

Уголовная политика, являясь частью государственной политики, исходя из установленных в государстве ориентиров, базирующихся на сложившихся в обществе

ценностях, через свою подсистему, уголовно-правовую политику, определяет пределы и механизмы воздействия на уголовный закон.

В теории уголовного права в рамках уголовной политики выделяют еще и военно-уголовную политику. Так, по мнению Я.Н. Ермоловича, под последней, в узком смысле, понимают деятельность государства, в лице соответствующих органов, направленную на противодействие преступности в ВС РФ средствами и методами уголовного права. Военно-уголовная политика представляет собой обособленную часть уголовной политики, предметом которой является военная безопасность государства, включающая в себя, в качестве обязательной составляющей, воинский правопорядок, а сферой деятельности – Вооруженные Силы, другие войска, воинские формирования и органы РФ, в которых предусмотрена военная служба [3].

Мы не будем вступать в полемику по поводу понятий и соотношения вышеперечисленных составляющих уголовной политики, поскольку это предмет самостоятельного комплексного исследования. Вместе с тем отметим, что к методам военно-уголовной политики, как и всех других ее подсистем относятся: криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности [3]. Соответственно, центральными ее звеньями являются правотворческая и правоприменительная деятельность государства [4, с. 83]. Как точно по данному поводу заметил В.И. Ленин: «Закон есть мера политическая, есть политика» [5, с. 99], что, исходя из опыта правоприменительной практики, никаким образом не исключает наличия у права самостоятельности и собственной внутренней логики, не связанной с политикой [6, с. 1].

Концептуальные установки всех подсистем уголовной политики находят свое отражение в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021 (далее – Стратегия), в Военной доктрине РФ, утвержденной Президентом РФ № Пр-2976 от 25.12.2014 (далее – Доктрина) и в ежегодных посланиях Президента России Федеральному собранию РФ. Они носят комплексный (общий) характер, основываются на предписаниях Конституции РФ, Федеральных законах «О безопасности» от 28.23.2010 г. № 390-ФЗ, «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.07.2014 г. № 172-ФЗ и других нормативных актов (п. 4 Стратегии). Например, достижение целей государственной и общественной безопасности предполагает комплексное решение ряда взаимосвязанных задач, среди которых можно выделить, относящиеся к уголовной политике: «… снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений» (пп. 8 п. 47 Стратегии); «… реализация принципа неотвратимости наказания за совершение преступления» (пп. 12 п. 47 Стратегии) и т.д. При этом, «Достижение целей обороны осуществляется в рамках реализации военной политики …» (п. 40 Стратегии), в ходе чего особое внимание уделяется решению такой задачи, как: «… поддержание на высоком уровне … правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах» (пп. 12 п. 40 Стратегии).

В Военной доктрине РФ от 25.12.2014 г. подчеркивается: несмотря на снижение вероятности развязывания против РФ крупномасштабной войны, на ряде направлений военная опасность для РФ усиливается (п. 11 Доктрины); РФ обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил, других войск и органов к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите РФ и ее союзников в

соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ (п. 19 Доктрины); выполнение основных задач строительства и развития Вооруженных Сил, других войск и органов достигается в том числе путем укрепления организованности, правопорядка и воинской дисциплины, а также профилактики и пресечения коррупционных проявлений (п. 39 Доктрины).

Что касается ежегодных посланий Президента России Федеральному Собранию РФ, то в своем обращении еще от 10.05.2006 г. В.В. Путин отметил, что: «современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные … угрозы… И наконец, не менее важная задача – это укрепление дисциплины в войсках» [7]. Во всех своих последующих Посланиях В.В. Путин подчеркивает актуальность необходимости постоянного укрепления Вооруженных Сил РФ. Так, в Послании от 21.04.2021 г. подчеркивается: «Не могу не сказать сегодня, как это обычно в ежегодных Посланиях Федеральному Собранию делается, и о том, что совершенствование и качественное укрепление Вооруженных Сил России идет постоянно» [8]. Такие установки воздействуют на систему норм военно-уголовного права на мировоззренческом (идейном) уровне, а для законодателя служат посылом к усовершенствованию уголовного закона в части ответственности военнослужащих. Кроме того, в рамках военной политики они воздействуют на военное право, поскольку учитываются законодателем при принятии федеральных законов военной сферы, в правотворческой деятельности Президента РФ и соответствующих государственных органов (например, Министерства обороны РФ) при принятии нормативно-правовых актов, регламентирующих различные общественные отношения, образующие воинский правопорядок, в том числе и тех, что обеспечиваются охраной уголовного закона. Например, Указами Президента РФ утверждены такие важные основополагающие нормативные акты, как: «Вопросы прохождения военной службы» от 16.09.1999 г. № 1237, «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных сил Российской Федерации» от 10.11.2007 г. № 1495.

В предшествующих своих работах мы проводили исследования взаимодействия военного и военно-уголовного права и пришли к выводу, что оно происходит посредством приема отсылки в диспозициях «военных» уголовно-правовых норм к военно-правовым нормам. Между этими системами действует множество межсистемных связей, среди которых выделяются генетические и функциональные связи, порождающие, в свою очередь, иерархические, координационные, адаптационные и гомеостазные. Военное право необходимо рассматривать, как наиболее активный внешний фактор, прямо воздействующий на систему военно-уголовных норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка [9, с. 44-62].

В свою очередь военно-уголовная политика взаимодействуя с военной политикой, обладая правообразовывающей ролью, выполняет системообразующую функцию и обеспечивает динамизм и обновление системы военно-уголовных норм. Вместе с тем, эта система, являясь искусственной, результатом правотворческой деятельности, во многом зависит от качества, полноты и продуманности решений законодателя. Как отмечает М.С. Кириенко, взаимосвязь уголовного закона и правотворческой деятельности представляет собой основной канал его взаимосвязи с уголовной политикой [4, с. 94-97].

Уголовный закон взаимодействует со всеми отраслями права и законодательства, регламентирующего общественные отношения, обеспеченные уголовно-правовой

охраной. Однако некоторой спецификой характеризуется взаимодействие системы военно-уголовных норм с законодательством криминалистического блока. К такому законодательству, как указывает А.Г. Безверхов, отечественная правовая наука относит уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное и комплексное федеральное законодательство о противодействии конкретным группам (видам) преступлений и иных правонарушений [1, с. 76-92]. Причем значительную роль в реализации уголовно-правовых норм играет уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство. В чем, собственно, и заключается общая закономерность их взаимосвязи. Военно-уголовное законодательство относится к одной из немногих подсистем уголовного закона, которая реализуется в уголовном процессе специальными органами военной юстиции и единственной, реализуемой при исполнении специфических видов уголовных наказаний, назначаемых только военнослужащим специальными военно-пенитенциарными органами.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) 2001 г. сохранил практически все институты (за некоторым исключением, например, института дачи согласия командования на привлечение военнослужащего к уголовной ответственности), регулирующие деятельность органов военной юстиции, предусмотренные ранее действующим УПК РСФСР 1960 г. Органы дознания представлены в нем начальниками органов военной полиции Вооруженных Сил РФ, командирами воинских частей, соединений, начальниками военных учреждений и гарнизонов (п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Военные следственные органы, осуществляющие расследование преступлений в отношении военнослужащих, представлены соответствующими подразделениями Следственного комитета РФ (п.п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ). Органы прокуратуры – органами военной прокуратуры, которые осуществляют надзор за законностью в Вооруженных Силах РФ, дознанием, следствием и в пределах своей компетенции, предусмотренной УПК РФ, уголовное преследование от имени государства в ходе уголовного судопроизводства (ст. 37 УПК РФ). Судебная система – военными судами, оправляющими правосудие в отношении военнослужащих и других лиц, в соответствии с их подсудностью (ст. 31 УПК РФ).

Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК РФ) 1997 г. предусматривает ряд институтов, регулирующих деятельность системы военно-пенитенциарных органов, к которым относятся: командиры воинских частей, исполняющие военно-уголовное наказание в виде ограничения по военной службе и осуществляющие контроль за условно осужденными военнослужащими (части 12 и 13 ст. 16 УИК РФ); органы военной полиции Вооруженных Сил РФ, исполняющие военно-уголовные наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (в специально предназначенных для этого дисциплинарных воинских частях) и ареста (на гауптвахтах) (часть 12 ст. 16 УИК РФ); военные суды, исполняющие наказание в виде лишения воинского звания (ч. 3 ст. 16 УИК РФ).

Я.Н. Ермолович отмечает, общая закономерность взаимосвязи уголовного права и процесса выражается в ряде частных закономерностей: зависимости процессуального принуждения от характера уголовной ответственности; зависимости уголовно-процессуальной формы от характера уголовной ответственности; зависимости предмета доказывания от состава преступления. По мнению этого ученого, зависимость процессуального принуждения от характера уголовной ответственности имеет свое проявление при выборе вида конкретной меры принуждения (задержания

подозреваемого, той или иной меры пресечения, любо иной меры процессуального принуждения), в зависимости от тяжести преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо. Зависимость уголовно-процессуальной формы от характера уголовной ответственности проявляется в дифференциации порядка деятельности органов государственной власти, в зависимости от тяжести совершенного преступления. Например, дела частного обвинения, дела, расследуемые в форме дознания (по преступлениям небольшой или средней тяжести) и дела, расследуемые в форме предварительного следствия (по тяжким и особо тяжким преступлениям). В свою очередь, зависимость предмета доказывания от состава преступления выражается в том, что предмет доказывания определяется признаками состава преступления, описанного в уголовном законе, а также обстоятельствами, исключающими преступность деяния, обстоятельствами, которые учитываются судом при назначении наказания, криминологическими аспектами уголовного судопроизводства (обстоятельствами, способствующими совершению преступления) и т.д. [10, с. 392-393].

Что касается взаимозависимости уголовного и уголовно-исполнительного права, то она, как представляется, наиболее выраженно проявляется в сопоставлении отдельных элементов их предмета правового регулирования, к которым необходимо отнести: наказание, иные меры уголовно-правового характера и некоторые аспекты освобождения от наказания. Эти элементы регулируются данными отраслями права по-разному, но характеризуются единым понятийным аппаратом, что создает ряд частных закономерностей зависимости этих отраслей права друг от друга. Так, определение понятия наказания и иных мер уголовно-правового характера, установление их видов, регламентация порядка назначения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, относятся к ведению уголовного права [11, с. 19]. В нормах же уголовно-исполнительного права предусмотрен порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применительно к их виду.

Вопросы условно-досрочного освобождения, освобождения от наказания по болезни, отсрочки исполнения наказания регулируются как уголовным, так и уголовно-исполнительным правом. При этом, нормы уголовного права предусматривают основания для применения перечисленных видов освобождения, а уголовно-исполнительного – процедуру представления, осужденного к освобождению и процесс освобождения от отбывания наказания, после состоявшегося соответствующего судебного решения. Основываясь на указанном утверждении, многие ученые (например, З.А. Незнамова) относят нормы уголовно-исполнительного права к процедурным или процессуальным, называя эту отрасль права продолжением уголовного процесса [12, с. 27], с чем трудно не согласиться. Аргументом в пользу этого утверждения, и еще одним свидетельством взаимозависимости уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, на наш взгляд, может служить регламентация УПК РФ процедур исполнения приговора и судебного контроля за его исполнением (раздел XIV УПК РФ).

Учитывая вышеуказанную взаимозависимость всех трех отраслей права, целесообразно рассматривать межотраслевые связи между ними в их единстве. Как отметила А.В. Денисова: «Их связывает не только общность институтов и близость правовых норм, но и, в первую очередь, «родственность» регулируемых общественных отношений. Следовательно, именно при анализе взаимодействия вышеуказанных трех отраслей можно выявить разнохарактерное многообразие межсистемных свя-

зей российского уголовного права» [13, с. 331]. К наиболее ярко выраженным межотраслевым связям, которые проявляются при анализе взаимозависимости уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права необходимо отнести генетические, функциональные. координационные и субординационные межотраслевые связи [13, с. 331].

В юридической литературе отмечается, что при исследовании межотраслевых связей материального и процессуального права перспективным представляется выявление именно вышеперечисленных связей, что позволяет определить причины и процессы, обуславливающие обособление и единство сопоставляемых систем, и их составляющих, а также возможные противоречия между ними [14, с. 90].

Генетические связи, или связи порождения, свидетельствуют о происхождении исследуемых правовых систем и их влияние на последующую правотворческую и правоприменительную деятельность. В специальной литературе отмечается (например, Д.Ю. Гончаровым, З.А. Незнамовой), что в ранних правовых источниках материальные, процессуальные и исполнительные нормы существовали неотделимо друг от друга, содержательно переплетаясь между собой, а порой, одна норма (смешанная) одновременно выполняла все три функции, но все же преобладающими были процессуальные нормы [15, с. 70-71; 16, с. 199]. Однако, проведенная Д.Ю. Гончаровым периодизация сопоставляемого законодательства показала, что уголовное материальное право сформировалось (в современном его понимании) раньше уголовно-процессуального [17, с. 99; 18, с. 15].

Что касается процессуального права с военной составляющей, то оно выделилось из военного права одновременно с военно-уголовным и уголовно-исполнительным, примером чему может служить анализ предписаний принятого в 1621 г. Устава ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки [10, с. 71; 19] и Воинского устава 1716 г., а точнее его составной части Артикула воинского. Первый документ, с полной уверенностью, можно отнести к памятникам военного права, поскольку в нем преобладала информация об устройстве и управлении войсками, сведения по тактике и артиллерии, об организации жизнедеятельности войск, а также, производно от нее, были закреплены нормы о дисциплинарной и уголовной ответственности за совершение воинских правонарушений, процессуальные и уголовно-исполнительные предписания [10, с. 71]. Второй документ, преимущественно содержал уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные нормы, был обязательным для всех судов империи, практически заменив, таким образом, действующее параллельно с военно-судебным законодательством, общеуголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство того времени. В большинстве своем уголовно-процессуальные нормы предусматривались в третьей части Воинского устава, которая называлась: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» [10, с. 394]. Уголовно-исполнительные нормы существовали бок о бок как с уголовно-правовыми, так и с уголовно-процессуальными, а порой и в смешанном виде. Примером последних можно норму, закрепленную в арт. 164 главы 19 «О смертном убийстве» Артикула воинского, где указывалось: «Ежели кто сам себя убьёт, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу» [20, с. 398].

Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление,

главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо одной из них существование других бессмысленно. Например, механизм функциональных зависимостей этих отраслей права друг от друга можно представить следующим образом: для того чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, необходимо применить действия, предусмотренные УПК, но эти действия обусловлены квалификацией преступления и необходимостью применения УК, а в случае назначения уголовного наказания, для его исполнения, необходимо применение УИК и, по некоторым вопросам исполнения приговора, УПК (гл. 47 УПК РФ) [10, с. 54].

Однако, из указанного механизма зависимостей вытекает, что отрасль уголовного права необходимо признать базой для двух других отраслей права. А кроме того, именно она устанавливает общие цели и задачи деятельности государства в противодействии преступности, содержит основополагающие институты, на которые опираются как уголовно-процессуальное, так и уголовно-исполнительное право.

Следовательно, и система военно-уголовных норм, отражая в себе специфику охраняемых ею воинских общественных отношений, является базой, основанной на общих генетических связях с военным правом, для закрепления в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве системы специальных правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность (как отмечалось, основанную на том, что предмет доказывания определяется составами преступлений, закрепленными в УК РФ) и деятельность, связанную с исполнением уголовных наказаний (перечень и описание которых содержит УК РФ) соответствующих органов военной юстиции, как в прочем, и детерминантом их существования.

Учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминалистического блока должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются. Только в этом случае, как заметила А.В. Денисова, «… они будут пропитаны «единым» духом, концептуально «подогнаны» друг под друга, что приведет к минимизации «конфликтов» между ними» [13, с. 333].

В теории уголовного права практически общепризнанным является мнение, высказанное Б.И. Сыромятниковым о том, что материальные нормы доходят до адресата через процессуальные [21, с. 19-20], что указывает на существование между ними функциональных связей [14, с. 90] (их еще называют «системообретенные») [22, с. 396]. Эти связи между уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом заключаются во взаимодействии функций, выполняемых каждой из названных отраслей законодательства, в рамках правовой общности. Данное взаимодействие можно объяснить с помощью традиционной градации отраслей права, в зависимости от выполняемых ими основных функций, на охранительные и регулятивные, а также вышеприведенными зависимостями друг от друга и их механизмом.

Отношения между ними складываются в сложные многофункциональные связи, при которых какие-либо изменения в одной из названных систем влекут за собой и соответствующие изменения в другой [17, с. 99]. Так, например, закрепление в уголовном законодательстве военно-нормативного предписания о том, что военнослужащие воинских частей РФ дислоцированных за пределами России за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную от-

ветственность по УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ч. 2 ст. 12 УК РФ), вызвало необходимость закрепления в ч. 3 ст. 2 УПК РФ нормативного предписания, где отмечается, что в случаях, предусмотренных ст. 12 УК РФ, отдельные процессуальные действия за пределами территории РФ могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ. Или, предусмотренность в уголовном законе такого вида наказания, как ограничение по военной службе (п. «е» ст. 44, ст. 51 УК РФ), обусловило появление гл. 18 УИК РФ.

Дальнейшее развитие системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка, теория уголовного права связывает с разработкой и законодательным закреплением института уголовной ответственности военнослужащих за совершение преступлений в военное время или в боевой обстановке. Его существование задекларировано ч. 3 ст. 331 УК РФ. В этом случае необходимо согласиться с мнением Я.Н. Ермоловича о том, что реализация этого института потребует создания и закрепления, соответствующих уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных норм. Как показывает исторический опыт, уголовно-процессуальное законодательство военного времени может предусматривать упрощенный порядок судопроизводства органами военной юстиции, распространение их юрисдикции (путем расширения подследственности и подсудности) на территорию боевых действий или территорию, где отсутствуют другие правоохранительные органы, расширение полномочий военного командования в уголовном процессе. По мнению данного ученого, упрощенный порядок судопроизводства может заключатся в сокращенных сроках дознания и предварительного следствия, в ограничении институтов пересмотра судебных решений, в введении института военной адвокатуры или исключении участия защитника, при наличии. препятствий к его участию в деле, упрощенный порядок применения мер процессуального принуждения, повышения их гибкости применительно к условиям боевой обстановки и жизнедеятельности войск и т.д. [10, с. 414]

Уголовно-исполнительное право также имеет свою специфику регулирования в военное время и в условиях боевой обстановки. В период действия этой временной обстановки усиливается уровень общественной опасности преступлений, соответственно, усиливается строгость уголовных наказаний и режима их отбывания. Скоротечность процесса привлечения к уголовной ответственности в особых условиях обуславливает и сокращение сроков предъявления приговора к исполнению и его исполнения для соответствующих видов наказаний. Возникает необходимость введения и применения высшей меры наказания, за совершение некоторых видов воинских преступлений, и новых видов наказаний, а также изменения порядка назначения, субъективного состава и условий отбывания уже предусмотренных уголовным законом наказаний. Так, в период ВОВ распространенным было направление осужденных военнослужащих на передовую, в составе штрафных рот или батальонов, аналогом которых в настоящее время является дисциплинарная воинская часть. Как представляется, такая замена наказания применима и к гражданским лицам (с учетом их личности), совершившим общеуголовные преступления (с учетом характера общественной опасности и обстоятельств по делу), изъявивших желание искупить вину защитой своего Отечества и годных к военной службе по состоянию здоровья.

Принятие военно-уголовного законодательства военного времени и, в связи с этим, соответствующих дополнений в других отраслях права криминалистического

блока, должно быть взвешенным, основываться на современных научных достижениях правовой науки и историческом опыте разработки и реализации этого законодательства в досоветский и советский периоды, а также зарубежный опыт, для чего необходимо время. Поэтому, работа над принятием этого законодательства должна вестись уже сейчас.

В теории права отмечается, что немаловажными для взаимодействия правовых систем являются и координационные связи, которые указывают на упорядоченность и согласованность не подчиненных друг другу систем права по горизонтали. Возникновение этих связей между отраслями права обусловлено взаимодействием последних в сочетании друг с другом, с использованием общего для них понятийного аппарата, а, соответственно, наличием бланкетных норм.

В свою очередь, в юридической литературе распространено мнение, что между отраслями криминалистического блока действуют исключительно горизонтальные связи, поскольку эти отрасли права являются самостоятельными, имеют свойственные только им предмет и метод правового регулирования и не подчинены друг другу. Субординационные же связи (вертикальные связи), наоборот указывают на иерархическую зависимость одного сопоставляемого объекта от другого, а, соответственно, не могут возникнуть среди равных, независимых друг от друга, отраслей права. Например, такого мнения придерживаются А.В. Денисова [13, с. 349-345], Д.Ю. Гончаров [23, с. 18-19] и А.И. Кокарев [24]. «Базовость» уголовного права по отношению к остальным отраслям права этого блока (или производность последних от уголовного права), по их мнению, еще не свидетельствует о наличие между ними иерархических связей. Субординационные связи, с этой точки зрения, возможны только с нормами Конституции РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права.

Так, А.В. Денисова ничего не говорит о возможности существования субординационных связей между отраслями права криминалистического блока. По ее мнению, они соотносятся между собой, как равные друг другу, что указывает на существование между ними только лишь координационных межотраслевых связей, но одновременно подчеркивает, что уголовное право является базовым в этом блоке [13, с. 332, 349-345]. Д.Ю. Гончаров критикует разные подходы к рассматриваемому вопросу и отмечает недоказанность историческими фактами производности (подчиненности) уголовному праву других отраслей криминалистического блока [23, с. 18-19]. В свою очередь, А.И. Кокарев категорично утверждает, что: «Отнесение уголовного права к профилирующим основным отраслям, а уголовно-процессуального права – к другим основным, которые как бы надстраиваются над профилирующим, не указывает на наличие субординации между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства» [24]. Встречается и другая разновидность данного подхода, в частности, Н.И. Пикуров отмечает, что базовый характер уголовного права свидетельствует о вертикальных отношениях между отраслями права криминалистического блока. Однако, в таком случае, речь идет не о подчиненности уголовному праву двух других отраслей, а о существовании между ними зависимостей генетического порядка [25, с. 24].

Вторая позиция, высказана Д.А. Липинским, А.А. Мусаткиной и Е.В. Чукловой, которые считают, что субординационная связь между указанными отраслями права легко прослеживается, если сопоставить их институты уголовной и уголовно-

процессуальной ответственности – «… последняя не возникает до реализации материальных правоотношений юридической ответственности. Исключение составляет ситуация, когда процессуальные отношения возникают в силу мнимого убеждения о наличии материального отношения, обусловившего возникновение спора или конфликта (юридическая ошибка). Поэтому можно утверждать не только о производном характере процессуальной ответственности от материально-правовой, но и о наличии субординационных связей. … Кроме того, производность обусловлена самой сущностью процессуальных норм и отношений, которые направлены на развитие норм материального права» [14, с. 93]. В случае противоречий, между нормативными предписаниями УК РФ и УПК РФ, УИК РФ, приоритет к применению отдается первым [16, с. 204, 206], но при этом, учитывается предметность регулируемых общественных отношений. Как правильно высказался в свое время по этому поводу В.Г. Даев, процесс всегда внутренне связан с характером материальных отношений и представляет собой принудительный способ их реализации [26, с. 29].

На наш взгляд, вторая позиция более убедительна. Наличие или отсутствие субординационных связей уголовного права с другими отраслями права криминалистического блока, необходимо рассматривать, прежде всего, с позиции их функционального предназначения и направленности, на которые указывают вышеприведенные функциональные зависимости и общий механизм функционирования этих отраслей права. Чтобы исключить любые отклонения от единой функциональной направленности отраслей права криминалистического блока и возможные противоречия, взаимодействие между ними должно строиться не на паритетных, а на иерархических началах, что свидетельствует о существовании субординационных связей между ними. Координатором такого взаимодействия, на правах реализуемой отрасли права, является уголовное право, что признается преобладающим большинством научного сообщества. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства этих отраслей права, а, следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Учитывая это, законодатель, внося изменения и дополнения в одной из указанных отраслей права, должен проверять не противоречат ли они нормам уголовного права. Кроме того, наличие субординационных связей в блоке отраслей права криминологического цикла не исключает, а наоборот, требует усиления координации между базовой и производными отраслями права: их упорядоченности и согласованности, использование общего для них понятийного аппарата, исходящего от уголовного закона, а, соответственно, бланкетного способа правового регулирования.

Таким образом, можно констатировать, что на систему уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок, наиболее активное влияние оказывают военно-уголовная политика и отрасли права криминального цикла, такие как уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право России. Концептуальные установки военно-уголовной политики воздействуют на систему норм военно-уголовного права на двух уровнях: мировоззренческом (идейном) и на законодательном. Причем на законодательном уровне, путем воздействия непосредственно на уголовный закон или военное право, к которому он отсылает. Межотраслевые взаимосвязи характеризуются множеством связей, среди которых выделяются генетические и функциональные связи, порождающие, в свою очередь, иерархические, координационные, адаптационные и гомеостазные.

Между уголовным правом и другими отраслями криминального цикла действуют генетические, функциональные, координационные и субординационные связи.

Влияние генетических связей на правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с рассматриваемыми отраслями права, имеет свое проявление, главным образом в том, что ни одна из них не может функционировать и развиваться друг без друга. Без какой-либо из них существование других бессмысленно. Соответственно, учет законодателем генетических связей между военно-специальными подсистемами отраслей криминального цикла, на наш взгляд, должен заключаться в одновременном («пакетном») принятии текстов кодифицированных законодательных актов, в которые они включаются.

Уголовное право служит базой для всех отраслей криминального цикла, поскольку определяет их направленность. Соответственно, система военно-уголовных норм, отражая в себе специфику охраняемых ею воинских общественных отношений, является базой, основанной на общих генетических связях с военным правом, для закрепления в уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве системы специальных правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность и деятельность, связанную с исполнением уголовных наказаний соответствующих органов военной юстиции, а также детерминантом их существования.

Изложенное свидетельствует о наличии субординационных связей между системой военно-уголовных норм, как подсистемы уголовного права, с соответствующими подсистемами других отраслей права криминального цикла. Иное указывало бы на отсутствие функционального единства этих отраслей права, а, следовательно, на их функциональную несостоятельность и неэффективность.

Список литературы:

1. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica, № 10, октябрь 2015 г. С. 76-92.
2. Алексеев С.С. Право: азбука–теория–философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. Ермолович Я.Н. Понятие военно-уголовной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://disus.ru/knigi/367884-1-ponyatie-voenno-ugolovnoy-politiki-rossiyskoy-federacii. Название с титул. экрана.
4. Кириенко М.С. Система Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013 г. 229 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 30. М.: Изд-во «Политическая литература», 1973. 561 с.
6. Никулин В.В. Правосудие и политика: соотношение политики и права в советской системе наказаний // Genesis: исторические исследования, 2013. № 5. С. 1-59.
7. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10.05.2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.
8. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/
9 Бодаевский В.П. Характеристика и функциональное назначение системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану воинского правопорядка // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 44-62.
10. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 576 с.
11. Уголовно-исполнительное право: учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. И.Я. Козаченко, А.П. Деткова. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 408 с.
12. Уголовно-исполнительное право: учебник. В 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Ю.И. Калинина. М.: Рязань: Логос; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания. 2006. 444 с.
13. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 633 с.
14. Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Чуклова Е.В. О генетических, координационных и субординационных связях процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2019. № 10. С. 86-96.

15. Гончаров Д.Ю. Законодательство о противодействии преступности: межотраслевые взаимосвязи. Монография / под научн. ред. И.Я. Козаченко. 2-е изд. М.: ООО «Издательство Юрайт», 2019. 285 с.
16. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Монография. Екатеринбург: Изд-во «Cricket», 1994.
17. Гончаров Д.Ю. Генетические связи норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Государство и право. 2007. № 10. С. 93-100.
18. Гончаров Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
19. Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки. В 2 ч. Напечатан с рукописи найденной в 1775 году, в Мастерской и Оружейной палате в Москве; Издан под смотрением асессора Рубана. СПб.: При Гос. воен. коллегии, 1777-1781. 231 с. (такое название имела только первая часть).
20. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма // отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.
21. Сыромятников Б.И. Очерк истории суда в древней и новой России // Судебная реформа. Т. 1. М.: Книгоизд-во «Объединение». 1915. С. 16-180.
22. Теория государства и прав: учебник / под ред. проф. В.К. Бабеева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.
23. Гончаров Д.Ю. Основы концепции межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности // Юридические записки. № 1. 2014. С. 14-24.
24. Кокарев А.И. К вопросу о соотношении координационных и функциональных связей уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://naukarus.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-koordinatsionnyh-i-funktsionalnyh-svyazey Название с титул. экрана.
25. Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М.: Издательство Юрайт, 2015. 539 с.
26. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: изд-во ЛГУ. 1982. 114 с.

Bodayevskiy V.P. Criminal policy and branches of the criminal cycle as external factors affecting the system of military criminal norms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – T. 8 (74). № 2. – P. 262-274.

The article states that the most active influence on the system of criminal law norms that ensure military law and order is exerted by criminal policy and branches of law of the criminal cycle, such as criminal procedure law and penal enforcement law of Russia. Arguments are given to confirm that the conceptual attitudes of criminal policy affect the system of norms of military criminal law at two levels: ideological (ideological) and legislative. Moreover, at the legislative level by influencing directly the criminal law or military law to which it refers. The opinion is defended that there are genetic, functional, coordination and subordination links between criminal law and other branches of the criminal cycle. The influence of genetic connections on law-making and law enforcement activities related to the branches of law under consideration has its manifestation, mainly in the fact that none of them can function and develop without each other. Without any one of them, the existence of the others is meaningless. Accordingly, the legislator's consideration of the genetic links between the military-special subsystems of the branches of the criminal cycle, in our opinion, should consist in the simultaneous («package») adoption of the texts of codified legislative acts in which they are included. The position on the basic position of criminal law in relation to other branches of the criminal cycle is substantiated, which indicates the existence of subordination relations between them. Otherwise, it would indicate the lack of functional unity between them, and, consequently, their functional inconsistency and inefficiency.

Key words: criminal policy, intersectoral relations, regulatory prescription, system of military criminal norms, branches of law of the criminal cycle, criminal law, criminal procedure law, penal enforcement law.

Spisok literatury:

1. Bezverhov A.G. O dejstvii ugolovnogo zakona v usloviyah mezhotraslevyh svyazej // Lex Russica, № 10, oktyabr' 2015 g. S. 76-92.
2. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
3. Ermolovich Ya.N. Ponyatie voenno-ugolovnoj politiki Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. http://disus.ru/knigi/367884-1-ponyatie-voenno-ugolovnoy-politiki-rossiyskoy-federacii. Nazvanie s titul. ekrana.
4. Kirienko M.S. Sistema Osobennoj chasti ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: dis. … kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2013 g. 229 s.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. T. 30. M.: Izd-vo «Politicheskaya literatura», 1973. 561 s.
6. Nikulin V.V. Pravosudie i politika: sootnoshenie politiki i prava v sovetskoj sisteme nakazanij // Genesis: istoricheskie issledovaniya, 2013. № 5. S. 1-59.
7. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 10.05.2006 g. // Rossijskaya gazeta. 2006. 11 maya.

8. Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF ot 21.04.2021 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/ Nazvanie s titul. ekrana.
9. Bodaevskij V.P. Harakteristika i funkcional'noe naznachenie sistemy ugolovno-pravovyh norm, obespechivayushchih ohranu voinskogo pravoporyadka // Lex russica. 2021. T. 74. № 4. S. 44-62.
10. Ermolovich Ya.N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. 576 s.
11. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / Pod obshch. red. I.Ya. Kozachenko, A.P. Detkova. M.: Izd-vo Yurajt, 2016. 408 s.
12. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1: Obshchaya chast' / pod red. Yu.I. Kalinina. M.: Ryazan': Logos; Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniya. 2006. 444 s.
13. Denisova A.V. Sistemnost' rossijskogo ugolovnogo prava: teoriya, zakon, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2018. 633 s.
14. Lipinskij D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. O geneticheskih, koordinacionnyh i subordinacionnyh svyazyah processual'noj otvetstvennosti // Yuridicheskie issledovaniya. 2019. № 10. S. 86-96.
15. Goncharov D.Yu. Zakonodatel'stvo o protivodejstvii prestupnosti: mezhotraslevye vzaimosvyazi. Monografiya / pod nauchn. red. I.Ya. Kozachenko. 2-e izd. M.: OOO «Izdatel'stvo Yurajt», 2019. 285 s.
16. Neznamova Z.A. Kollizii v ugolovnom prave. Monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo «Cricket», 1994. 284 s.
17. Goncharov D.Yu. Geneticheskie svyazi norm ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 10. S. 93-100.
18. Goncharov D.Yu. Vzaimosvyazi i kollizii norm ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 24 s.
19. Ustav ratnyh, pushkarskih i drugih del, kasayushchihsya do voennoj nauki. V 2 ch. Napechatan s rukopisi najdennoj v 1775 godu, v Masterskoj i Oruzhejnoj palate v Moskve; Izdan pod smotreniem asessora Rubana. SPb.: Pri Gos. voen. kollegii, 1777-1781. 231 s. (takoe nazvanie imela tol'ko pervaya chast').
20. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma // otv. red. A.G. Man'kov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1986. 512 s.
21. Syromyatnikov B.I. Ocherk istorii suda v drevnej i novoj Rossii // Sudebnaya reforma. T. 1. M.: Knigoizd-vo «Ob"edinenie». 1915. S. 16-180.
22. Teoriya gosudarstva i prav: uchebnik / pod red. prof. V.K. Babeeva. M.: Yurist', 2003. 592 s.
23. Goncharov D.Yu. Osnovy koncepcii mezhotraslevyh vzaimosvyazej v zakonodatel'stve o protivodejstvii prestupnosti // Yuridicheskie zapiski. № 1. 2014. S. 14-24.
24. Kokarev A.I. K voprosu o sootnoshenii koordinacionnyh i funkcional'nyh svyazej ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. http://naukarus.com/k-voprosu-o-sootnoshenii-koordinatsionnyh-i-funktsionalnyh-svyazey Nazvanie s titul. ekrana.
25. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod red. O.S. Kapinus. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2015. 539 s.
26. Daev V.G. Vzaimosvyaz' ugolovnogo prava i processa. L.: izd-vo LGU. 1982. 114 s.

.